

УДК 316.022.4

<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-4-353-359>

Интерсекс-дети в культуре бинарности: ущемленный пол

В. М. Короткова^{✉1}

¹ Центр социологии культуры Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Сведения об авторе

Валерия Михайловна Короткова,
ORCID: [0000-0002-5156-8793](https://orcid.org/0000-0002-5156-8793),
e-mail: vkortokova@hse.ru

Для цитирования:

Короткова, В. М. (2021)
Интерсекс-дети в культуре
бинарности: ущемленный пол.
*Комплексные исследования
детства*, т. 3, № 4, с. 353–359.
<https://doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-4-353-359>

Получена 24 апреля 2021; прошла
рецензирование 30 апреля 2021;
принята 30 апреля 2021.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © В. М. Короткова (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии [CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация. Статья рассматривает роль телесности, а именно особенностей полового развития, в становлении сексуальной идентичности ребенка, а также вытекающие из этого социальные и психологические последствия для жизни детей с интерсекс-вариациями (с учетом медицинского вмешательства и без него), чьи знания о собственном теле могут быть сильно ограничены. В процессе социального развития тело ребенка является одновременно объектом осмысления и действующим во взаимодействии агентом. Соответственно, физиологические особенности организма учитываются ребенком при построении идентичности, его самопрезентации и выборе коммуникативных стратегий. Интерсекс-дети зачастую обладают искаженной или недостаточной информацией о собственном теле, так как родители считают ее препятствием к благополучной социальной адаптации в иерархичной гендерной среде. Основную роль в актуализации проблематики интерсекса сыграли исследования феминизма, бросившие вызов бинарному определению пола, обнаружив существенные несоответствия в доминирующей биологической трактовке. Автор приходит к следующим выводам. Во-первых, дихотомическая матрица представлений о сексуальности не допускает нейтрального отношения к половой анатомии субъектов, лежащей в основе всех действующих социальных отношений. Мужские анатомические особенности наделяются символическим значением власти, а женские — подчинения. Во-вторых, концептуальные неточности в существующих определениях пола и гендера влияют на недостаток языковых средств для успешного формирования полиморфной сексуальной идентичности. В-третьих, в постсоветском дискурсе на государственном (правовом, медицинском, политическом и т. д.) и межличностном (семейном, сверстническом) уровнях интерсекс-дети являются социально исключенной и непризнанной категорией граждан, лишенной юридической защиты.

Ключевые слова: интерсекс, телесность, сексуальная идентичность, буллинг, медализация, стратегии гендерной социализации.

Intersex-children in a binary culture: The disadvantaged gender

V. M. Korotkova✉¹

¹ Centre for the Sociology of Culture, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Str., Moscow 101000, Russia

Author

Valeria M. Korotkova,
ORCID: 0000-0002-5156-8793,
e-mail: vkorotkova@hse.ru

For citation: Korotkova, V. M. (2021) Intersex-children in a binary culture: The disadvantaged gender. *Comprehensive Child Studies*, vol. 3, no. 4, pp. 353–359. <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-4-353-359>

Received 24 April 2021;
reviewed 30 April 2021;
accepted 30 April 2021.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © V. M. Korotkova (2021). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article examines the role of embodiment, namely the characteristics of sexual development, in identity development in childhood. It raises a question of the social and psychological consequences for children with intersex variations (with and without medical intervention), whose knowledge of their bodies can be severely limited. It is concluded that the conceptual inaccuracies in the existing definitions of sex and gender affect the weak language tools for polymorphic sexual identification. In the process of social development, the child's body is both an object of understanding and an agent acting in interaction. Accordingly, the physiological characteristics of the body are taken into account by the child when constructing an identity, ensuring his self-presentation and driving the choice of communication strategies. Intersex children frequently have distorted or insufficient information about their own bodies, because their parents consider this information an obstacle to successful social adaptation in a hierarchical gender environment. The main factor in the actualisation of intersex topic was feminist research. These studies have challenged the binary definition of gender, discovering significant inconsistencies in the dominant biological interpretation. The article comes to the following conclusions. First, the dichotomous matrix of ideas about sexuality prevents a neutral attitude to the sexual anatomy of individuals, which underlies all existing social relations. Male anatomical features are given a symbolic meaning of power, and female that of subordination. Second, conceptual inaccuracies in the existing definitions of sex and gender affect the weak language tools for polymorphic sexual identification. Third, in the post-Soviet discourse at the state (legal, medical, political, etc.) and interpersonal (family, peer) levels, intersex children are a socially excluded and unrecognised group, deprived of legal protection.

Keywords: intersex, embodiment, sexual identity, bullying, medicalisation, gender socialisation strategies.

Введение

Благодаря активно развивающимся исследованиям в области социологии детства, на сегодняшний день нам отчетливо известно как минимум то, что дети не являются пассивными маленькими животными, требующими «окультуривания» и неспособными участвовать во взаимодействии без назойливого приведения их в «нормальное» состояние взрослым человеком. Дети в социологическом дискурсе приобретают статус активных социальных агентов, вполне способных присваивать, изобретать и воспроизводить конструкты социального мира (Callens, Kreukels, van de Grift 2021; Corsaro 2005). Многие исследования показывают, что стремление детей к познанию и развитию когнитивных и логических цепочек может быть либо подкреплено и раскрыто в руках внимательных родителей и воспитателей, либо не замечено и заглушено моделью поощрения «неосознанного» детства (например, Smith 2002). Во втором

случае предпочтительными формами общения с детьми чаще всего будут являться упрощенные поверхностные конструкции, с большим количеством непроговоренных положений и нормативных ограничений. Кроме того, что касается сексуальной тематики, взрослые регулярно просто не могут поверить в то, что современные дети в коммуникации способны открыто поднимать темы тела и секса, всегда остававшиеся для старшего поколения вне публичного дискурса и имеющие особо сакральный статус (Fingerson 2009, 220). Однако гендерные и физиологические различия, как мы увидим далее, играют важную роль во взаимодействии современных детей и подростков, особенно для обретения своего места в существующей социальной системе и общения с «такими же, как они». Именно поэтому все чаще начинает возникать вопрос: не может ли эта самая нормальность, так невротически насаживаемая взрослыми, и являться основной трудностью, с которой сталкивается ребенок, неспособный отыскать

и идентифицировать себя в рамках сформировавшейся культуры?

Тело и язык

Мы знаем, что тело ребенка участвует в социальном взаимодействии одновременно в качестве *агента*, оказывающего влияние, и *объекта*, подверженного осмыслению. Описывая взаимосвязь между данными социальными аспектами телесности, американская социологиня Лора Фингерсон настаивает на том, что знание ребенком морфологии и функционирования собственного тела влияет на прагматические возможности его вариативного использования (Fingerson 2009). При этом накопление знаний происходит не только посредством экспериментальных практик ребенка и вербализации испытываемых ощущений, но также и через те значения, которые его телу приписываются окружающими: родителями, детьми, авторитетными взрослыми. Так, в процессе определения собственной идентичности ребенок сопоставляет полученную извне информацию с переживаемым телесным опытом. В результате сформировавшаяся телесная идентичность позволяет занять определенную позицию в обществе и иерархии властных отношений, контролировать границы своего тела, выстраивать ненасильственную коммуникацию, предполагающую осознание своих чувств и потребностей и их грамотное выражение (Rosenberg 2019). Ясно, что все это становится практически неосуществимым без развитых языковых средств. К примеру, американская психолог Дебора Толмен замечает, что девушки на протяжении всей жизни могут сталкиваться с сексуальной неудовлетворенностью и домашним насилием, в том числе из-за того, что в подростковом возрасте для них не были легитимированы исследования собственного тела и объяснена их активная роль в сексуальном взаимодействии, а также возможность отказа и выражения недовольства (Tolman 2002). Известный американский социолог Энтони Гидденс пишет: «Многие женщины выходили замуж, фактически совершенно не имея никаких знаний о сексе, не зная, что делать с нежелательными для них побуждениями мужчин, и вынуждены были терпеть это» (Giddens 2004, 51).

Интерсекс: разница социального и анатомического взгляда на пол

Одним из таких до сих пор замалчиваемых предметов обсуждения остается и интерсекс.

Интерсекс — это любые анатомические, физиологические или биохимические особенности организма, которые отличаются от представлений о типично женском и мужском теле (Savel'ev 2017). Каждый 200-ый ребенок рождается с одной из более чем 40-ка признанных интерсекс-вариаций¹. Однако качественная информация об интерсекс-вариациях как *особенностях развития организма* содержится лишь на нескольких онлайн-площадках в русскоязычном интернете, а сообщество интерсекс-активистов представляет собой маргинальную структуру, оказывающую просветительское воздействие на ограниченный круг заинтересованных лиц (Ассоциация русскоязычных интерсекс людей 2020). Основная масса людей продолжает считать отклонения от бинарной половой анатомии патологией и использовать ненаучные и оскорбительные термины (к примеру, «гермафродит») в отношении интерсекс-персон. В ситуации, когда на культурном уровне замалчиваются или отрицаются объективно существующие и значимые для персонального самопознания процессы организма, человек может чувствовать неопределенность и сомневаться в реальности своих ощущений, передающихся органами чувств. Половой диморфизм, предлагаемый в качестве аксиоматического знания на уроках биологии в российских школах, в свою очередь, отражает несоответствующее реальности положение вещей, способное ввести детей в заблуждение о патологичности комбинаций половой анатомии (Dalke, Baratz, Greenberg 2020). Текущая трактовка пола исключает из видимого социального пространства интерсекс-людей, а также всю сопутствующую терминологию и язык для обсуждения небинарной телесности (Lampalzer, Briken, Schweizer 2020). В подавляющем большинстве случаев в России люди с особенностями полового развития организма попадают в ситуацию, которую можно было бы точнее назвать намеренным социальным исключением или газлайтингом, под которым понимается целенаправленное введение человека в заблуждение,

¹ Среди таких вариаций, могут, к примеру, встретиться: овотестис и синдром полной или частичной нечувствительности к андрогенам. При полной нечувствительности к андрогенам состояние организма с кариотипом 46.XY характеризуется неспособностью клеток реагировать на андрогены, из чего следует невозможность маскулинизации половых органов. Вследствие этого у человека формируется «типично женский» фенотип с яичками внутри живота и отсутствием влагалища или матки. Овотестис же представляет собой интерсекс-вариацию, при которой у человека в организме либо одна гонада представлена яичником, а вторая яичком, либо в гонадах содержатся ткани одновременно яичника и яичка (Интерсекс.ру 2021).

относительно его субъективного восприятия реальности.

Несмотря на ограниченность отечественного интерсекс-дискурса, осколки распространившегося в западных странах сексуального образования, проникают в российское информационное поле. Центральную роль в популяризации обозначенной проблематики сыграло феминистское движение, бросившее вызов бинарному определению пола, обнаружив несоответствия в доминирующей биологической трактовке, акцентирующей внимание на функции размножения, но не учитывающей, что *пол* — это совокупность нескольких характеристик: гонадных, хромосомных, генитальных. Таким образом, ставя под вопрос патологичность вариативного полового развития, исследователи пришли к тому, что разделение на нормальную и анормальную половую анатомию — это не медицинский факт, обусловленный сложностями развития, а социальный конструкт (Fausto-Sterling 2000).

Несоответствие между биологическим полом и полом как набором социально санкционированных признаков и качеств подчеркивает в своей статье и Стефани Тёрнер. Она исследует нарративы о переживаниях интерсекс-подростков, прошедших путь от неопределенности и изолированности до осознания собственной идентичности и злости на врачей и родителей, принявших поспешное решение о хирургическом вмешательстве (Turner 1999). Главенствующей причиной для взрослых, совершающих такой выбор, становится видимое ими будущее психологическое спокойствие и успешная гендерная адаптация ребенка в социуме. «Генетические мужчины (дети, имеющие Y-хромосомы) должны иметь приемлемые пенисы, если они хотят соответствовать мужскому полу. Если их пенисы определяются как «неадекватные» для успешной адаптации в качестве мужчин, им приписывается женский пол, а гениталии реконструируются, чтобы выглядеть, как женские... Хирурги переделывают фаллосы так, чтобы они выглядели, как клиторы... достраивают вульвы и влагалища, если это необходимо, и удаляют любые яички. Это делается даже в том случае, если ребенок рискует единственным реальным шансом стать биологическим родителем» (Dreger 1998, 182). Действительно важным является тот факт, что обоснованное медиками хирургическое вмешательство требуется лишь небольшому проценту интерсекс-младенцев, в остальных случаях описанные выше операции носят исключительно косметический характер, но создают допол-

нительные угрозы здоровью и полноценной жизни ребенка в будущем (в числе побочных эффектов: нечувствительность в области гениталий, отторжение тканей и т. д.).

Юридическая незащищенность детских тел является серьезной проблемой в связи с распространившимися тенденциями к медикализации (Hausman 1992), но, к сожалению, мы не можем дольше останавливаться на этом вопросе по причине ограниченных объемов данного эссе. Однако стоит отметить, что изложенный опыт детей показывает: даже «безобидные» гормональные курсы, которые родители навязывают ребенку под видом витаминов, не решают, а лишь усугубляют социальную жизнь ребенка, подвергающего вследствие такого отношения сомнению нормальность собственной идентичности. Кроме того, при несовпадении паспортного пола, приписанного ребенку при рождении, со внешностью, сформировавшейся в пубертат (что является частым случаем для интерсекс-подростка), в России не предусмотрено специальной процедуры по смене документальных данных. Единственная возможность изменить эти данные предполагается при определении своей идентичности как трансгендерной. Однако далеко не все интерсекс-люди считают себя таковыми. Таким образом, мы можем наблюдать, что даже на уровне российского законодательства вопросы пола перепутаны и смешаны с проблематикой гендерного самоопределения. В том числе это связано с тем, что первоначальную огласку проблематика интерсекса получила именно от лица представителей феминистского и ЛГБТ+ сообществ, поднявших вопросы свободного определения идентичности (Turner 1999). Данный аспект, бесспорно, является немаловажным в исследованиях интерсекса, так как, как мы уже определили, идентичность во многом основывается на индивидуальном восприятии физиологических данных организма и сопровождающих их ощущений, однако становится очевидна также необходимость выделения специальной области исследований для избегания дальнейших искажений и смещений в понятийном аппарате.

Место интерсекс-подростка во властных «гендерных играх»

В период пубертата ребенок начинает активно интересоваться изменениями, происходящими в его теле. В это время сексуальная идентичность ребенка приобретает все более четкие очертания. Дети любыми способами стремятся осмыслить границы и возможности своего тела

(Corsaro, Fingerson 2003). Согласно исследованиям, мальчики на игровых площадках и в классах занимают больше пространства и стремятся использовать свое тело как источник власти и контроля, в то время как девочки пытаются при помощи спорта или регуляции менструального цикла установить контакт со своим телом и обрести субъектность (Martin 1996). Разница в первостепенных задачах полов обусловлена дифференцированными стратегиями социализации, основанными на внешних фенотипических признаках ребенка.

Современная американская социологиня Барри Торн, вводя понятие «гендерных игр», подразумевает такой период в жизни детей, когда они, используя фрейм «игры», передают друг другу серьезные сообщения, в которых подчеркиваются физиологические различия, репрезентирующие иерархичность существующих гендерных отношений. В таких играх мальчики наглядно демонстрируют свою мужественность как силу, высмеивая проявления женственности как слабости (Thorne 1993). Таким образом, тело становится *насильственным* элементом в социальном взаимодействии между полами, где агрессия и драки мальчиков поощряются, а женская анатомия приобретает статус хрупкой и незащищенной. В результате описанные «игры» могут доходить до разной степени вербальной или физической агрессии, выливаясь в распространенную на сегодняшний день проблему буллинга среди детей и подростков.

Буллинг (прямой и косвенный) как преднамеренное систематически повторяющееся физическое или вербальное поведение автора насилия по отношению к переносящему насилие в школьных коллективах выполняет задачу установления и поддержания *социальной иерархии* (Farmer, Xie 2007), считываемой и формирующейся по примеру властного неравенства между учениками и учителями. Влияние агрессивной среды в совокупности с доминирующими стратегиями гендерного воспитания неотвратимо воздействует на использование детьми своего тела как ресурса в институционализирующейся «гендерной битве». Современные российские социологи А. А. Бочавер и К. Д. Хломов для изменения существующей ситуации в детских коллективах предлагают рассмотреть возможность альтернативного построения системы отношений внутри группы, где центральное значение приобрела бы ценность *уважительных отношений* между учащимися (Bochaver, Khlovov 2013).

Проведенные в этой области исследования показывают, что в роли перенесших насилие

чаще оказываются дети с различными физиологическими особенностями, отражающимися на внешности. «С оскорблениями, физическими нападениями и угрозами сталкиваются 82% подростков, которые не определились со своей сексуальностью и воспринимаются как «слишком фемининные» (мальчики) и слишком «маскулинные» (девочки)» (Bochaver, Khlovov 2013, 151). Примечательно, что такая жесткая связка между полом, «нормативными» внешними признаками и социальными характеристиками присутствует на всех уровнях общественного дискурса, включая научный. Стефани Тёрнер объясняет это тем, что гетеронормативность в современном обществе не допускает нейтрального отношения к сексуальной анатомии субъектов, а бинарная матрица представлений о сексуальной идентичности в настоящее время лежит в основе всех действующих социальных отношений (Turner 1999). Однако, обращаясь к нарративам самих интерсекс-подростков, можно пронаблюдать, что на уровне межличностных доверительных отношений такая проблема практически отсутствует. Как об этом говорят интерсекс-персоны, для партнеров чаще всего оказывается неважна генитальная структура тела, куда значимее — влечение и установленная между индивидами связь. Все информанты отмечают, что *открытый* и искренний *диалог* с партнером снимает все потенциальные недопонимания и проблемы, а также способствует сексуальному взаимодействию, которое, вопреки распространенному гетеронормативному представлению, не заключается исключительно в пенетрации.

Гетеронормативность и сексуальная идентичность

Современный американский социолог-интегралит Энтони Гидденс в своей знаменитой работе «Трансформация интимности» уделяет большое внимание ключевому месту исторически сформировавшейся гетеросексуальной нормы в структурировании отношений между полами. Он предлагает проследить за трансформацией масштабных социальных институтов, в особенности — семьи, повлиявших на изменение восприятия сексуальности человека. Всплеск интереса и пристальный контроль за индивидуальным телом Гидденс, вслед за французским философом Мишелем Фуко, описывает как закономерное следствие государственного (общественного) вмешательства в жизненный мир конкретного человека, уходящее корнями в эпоху Просвещения с ее рационализа-

цией и «демократизацией». Функциональное разделение обязанностей, сексуальная исключительность партнеров и ориентированность на брак — все это основные характеристики современного идеала романтической любви, вытекающие из христианской этики братской любви, промышленной революции и рождения материнства. Сложно отрицать наблюдаемое сегодня повсеместно всестороннее подчинение частной жизни индивида властным общественным структурам. «Не только сама социальная жизнь, но и то, что обычно именуется “природой”, попадает под власть социально организованных систем» (Giddens 2004, 60).

Вышеупомянутые находки еще раз подтверждают известный тезис социолога франкфуртской школы Теодора Адорно о «тоталитарной» государственной политике дифференциации, ущемляющей индивидуальные идентичности, инкорпорируя их (Adorno 1978). Адорно поднимает проблему правового механизма взаимодействия с «иным», доминирующего в США и западных странах в конце XX в. (а в настоящее время и в России), который изначально предполагает необходимость отнесения себя к той или иной нормативно закрепленной категории. Однако, как он отмечает, такая политика исключает из общественного диалога идентичности, оставшиеся вне правового поля, а также порождает страх оказаться «иным». В такой системе, ребенок, не находящий своего «места» в нормативном поле и «правильного» определения своему телу, замыкается и пытается отрицать или изменять отличающиеся от унифицированных органы или телесные особенности. В итоге Адорно предлагает пересмотреть такую политику и отказаться от дифференциации в пользу эмансипированного общества, не пытающегося поставить каждый элемент на четко определенную позицию, а вовлекающего объект в его странность и способствующего принятию «иного» в себе и других (Adorno 1978; Feola 2014). Такой подход оказывается сложно реализуемым в условиях современного торжества правовых механизмов, но открывает перспективные интеллектуальные пути для осмысления поставленной проблемы.

Заключение

По итогам рассмотрения и анализа поставленной проблемы нам удалось определить основные социальные причины и психологические последствия ущемления сексуальной идентичности детей в современном обществе. Благодаря обращению к релевантным теоретическим

основаниям, нам удалось продемонстрировать, что телесная (сексуальная) идентичность ребенка формируется в социальном поле посредством усвоения приписываемых окружающими нормативных значений и дихотомий. Кроме того, мы выявили концептуальные неточности и смешение социальной трактовки гендера и анатомического определения пола, влияющие на неразвитость языковых средств для полиморфной сексуальной идентификации. Мы также определили, что в современной бинарной культуре, предполагающей прямую связь пола и социальных признаков, интерсекс-дети являются исключенной и непризнанной «категорией». Как мы и предполагали, социальные причины сложившейся ситуации заключаются именно в гетеросексуальной нормативной культуре общества, где мужские анатомические особенности наделяются символическим значением власти, а женские — подчинения. Взаимодействие с интерсекс-детьми в такой властно-детерминированной среде осуществляется достаточно жесткими и однозначными способами как на государственном (правовом, медицинском, политическом и т. д.), так и на межличностном (семейном, сверстническом) уровне. Юридическая незащищенность от корректирующих операций в младенчестве является еще одним важным недостатком существующего отношения к детям, особенно наглядно прослеживаемым на примере изученной темы. Страх отличиться, окутывающий взрослых и передающийся детям, затрудняет социализацию и дальнейшее социальное взаимодействие, а также подвергает детей опасностям физического и вербального насилия.

В этом ракурсе выход интерсекс-активистов на политическую арену и оглашение ущемленных потребностей в признании и социальной видимости обозначает для государственной и мировой политики ни что иное как проблему коренного переопределения общественных отношений. И хотя такая кардинальная перестройка не представляется осуществимой в ближайшее время, все действия, предпринимаемые в этом направлении научным и активистским сообществами, могут способствовать изучению и дальнейшим изменениям существующего положения вещей.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Источники

- Ассоциация русскоязычных интерсекс людей. (2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://arsintersex.org/> (дата обращения 14.02.2021).
- Интерсекс.ру. (2021) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interseks.ru/> (дата обращения 13.02.2021).

Sources

- Assotsiatsiya russkoyazychnykh interseks lyudej [Association of Russian Speaking Intersex]. (2020) [Online]. URL: <https://arsintersex.org/> (accessed 14.02.2021). (In Russian)
- Interseks.ru [Intersex.ru]. (2021) [Online]. URL: <https://www.interseks.ru/> (accessed 13.02.2021). (In Russian)

References

- Adorno, T. (1978) *Minima moralia: Reflections from damaged life*. New York: Verso Press, 251 p. (In English)
- Bochaver, A. A., Khlomov, K. D. (2013) Bulling kak ob'ekt issledovanij i kul'turnyj fenomen [Bulling as a research object and a cultural phenomenon]. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki — Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 10, no. 3, pp. 149–159. (In Russian)
- Callens, N., Kreukels, B., van de Grift, T. (2021) Young voices: Sexual health and transition care needs in adolescents with intersex/differences of sex development — a pilot study. *Journal of Pediatric and Adolescent Gynecology*, vol. 34, no. 2, pp. 176–189. <https://doi.org/10.1016/j.jpag.2020.11.001> (In English)
- Corsaro, W. A. (2005) *The sociology of childhood*. 2nd ed. Thousand Oaks: Pine Forge Press, 359 p. (In English)
- Corsaro, W. A., Fingerson, L. (2003) Development and socialization in childhood. In: J. DeLamater (ed.). *Handbook of social psychology: Handbooks of sociology and social research*. New York: Kluwer-Plenum Publ., pp. 125–155. (In English)
- Dalke, K. B., Baratz, A. B., Greenberg, J. A. (2020) Protecting children with intersex traits: Legal, ethical, and human rights considerations. In: M. Legato (ed.). *The plasticity of sex: The molecular biology and clinical features of genomic sex, gender identity and sexual behavior*. London: Academic Press., pp. 207–224. (In English)
- Dreger, A. D. (1998) *Hermaphrodites and the medical invention of sex*. Cambridge: Harvard University Press, 268 p. (In English)
- Farmer, T. W., Xie, H. (2007) Aggression and school social dynamics: The good, the bad, and the ordinary. *Journal of School Psychology*, vol. 45, no. 5, pp. 461–478. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2007.06.008> (In English)
- Fausto-Sterling, A. (2000) *Sexing the body: Gender politics and the construction of sexuality*. New York: Basic Books Publ., 488 p. (In English)
- Feola, M. (2014) Difference without fear: Adorno contra liberalism. *European Journal of Political Theory*, vol. 13, no. 1, pp. 41–60. <https://doi.org/10.1177/1474885112474442> (In English)
- Fingerson, L. (2009) Children's bodies. In: J. Qvortrup, W. A. Corsaro, M. Honig (eds.). *The Palgrave handbook of childhood*. Hampshire: Palgrave Macmillan Publ., pp. 217–227. (In English)
- Giddens, A. (2004) *Transformatsia intimnosti [The transformation of intimacy]*. Saint Petersburg: Piter Publ., 208 p. (In Russian)
- Hausman, B. L. (1992) Demanding subjectivity: transsexualism, medicine, and the technologies of gender. *Journal of the History of Sexuality*, vol. 3, no. 2, pp. 270–302. PMID: [11612877](https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/11612877/) (In English)
- Lampalzer, U., Briken, P., Schweizer, K. (2020) Dealing with uncertainty and lack of knowledge in diverse sex development: Controversies on early surgery and questions of consent. *Sexual Medicine*, vol. 8, no. 3, pp. 472–489. <https://doi.org/10.1016/j.esxm.2020.03.002> (In English)
- Martin, K. A. (1996) *Puberty, sexuality, and the self: Girls and boys at adolescence*. New York: Routledge Publ., 176 p. (In English)
- Rosenberg, M. (2019) *Nenasil'stvennoe obscheniye: Yazik zhizni [Nonviolent communication: A language of life]*. Moscow: Sofiya Publ., 288 p. (In Russian)
- Savel'ev, I. S. (2017) Kosmeticheskaya genital'naya khirurgiya interseks-mladentsev: meditsinskoe pravo protiv prav cheloveka [Cosmetic genital surgery of intersex infants: Medical law versus human rights]. *Molodoj uchenyj*, no. 17 (151), pp. 25–29. (In Russian)
- Smith, S. (2002) Children at play. In: J. Mills, R. Mills (eds.). *Childhood studies. A reader in perspectives of childhood*. New York: Routledge Publ., pp. 79–96. (In English)
- Thorne, B. (1993) *Gender play: Girls and boys in school*. New Brunswick: Rutgers University Press, 237 p. (In English)
- Tolman, D. L. (2002) *Dilemmas of desire: Teenage girls talk about sexuality*. Cambridge: Harvard University Press, 272 p. (In English)
- Turner, S. S. (1999) Intersex identities: Locating new intersections of sex and gender. *Gender and Society*, vol. 13, no. 4, pp. 457–479. <https://doi.org/10.1177/089124399013004003> (In English)